(cc) BY

Матюшин Петр Николаевич
канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ 1930-х гг. (ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ПРОФЕССОРА И.Д. КУЗНЕЦОВА)

***Аннотация**: рассмотрение развитие университетского образования в годы становления и развития Советской власти является уникальной возможностью проанализировать транспортацию всей системы государственной политики при трансформации политической системы в стране. В контексте представленной статьи автор акцентирует внимание на данной трансформации как отдельном элементе системного перехода к политике воспитания человека «новой формации», курс на которую был взят в конце 1920-х гг.*

***Ключевые слова**: университетское образование, образовательная политика, Советская власть, Иван Данилович Кузнецов.*

Политика формирования «человека новой формации», которая была сформирована в конце 1920-х гг., предусматривала идеологическую «перезагрузку» исторического образования на различных уровнях образовательной системы. Акцент в этой политике новая власть делала на «проверенные» кадры, воспитанные в духе революционных идей и преданные генеральной линии партии. Примером такой личности стал доктор исторических наук, профессор (а в 1930-е гг. – заведующий агитпропотделом Чувашского областного комитета ВКП(б).

Личность И.Д. Кузнецова уникальна и типична для своего времени. С 1932 по 1937 гг. он работал руководителем исторической секции Чувашского научно-исследовательского института. Окончил в 1931 г. Московский Исторический Институт Красной профессуры по специальности историка народов СССР. В 1936 г. он был представлен к утверждению в ученом звании через Чувашскую

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

ВКСХШ в ВАК /под председательством Милютина/ на основе ранее опубликованных работ по истории. Однако, научная и педагогическая работа тов. Кузнецова была прервана с 1937 по 1956 г. в связи с его арестом и репрессированием. Решением пленума Верховного Суда СССР от 8 апреля 1956 г. Кузнецов в судебном порядке полностью реабилитирован за отсутствием в его действиях состава преступления. Решением КПК при ЦК КПСС в ноябре 1956 г. он восстановлен членом КПСС со стажем с октября 1925 г.

Кроме постоянного участия в работе ЧНИИ с 1928 г. Кузнецов вел преподавательскую работу, а именно: 1) в 1929–1931 гг. – доцент Коммунистического Университета им. Свердлова, доцент Высших курсов марксизма-ленинизма и ИМЗО при ЦК ВКП(б); 2) с осени 1931 до начала 1932 г. – зав. кафедрой истории Комуниверситета в Н. Новгороде; 3) во втором полугодии 1932 г. – проректор по учебной части и доцент Нижегородского отделения института подготовки кадров ИКП; 4) в 1932–1935 гг. – доцент Чувашского Пединститута; 5) в 1934–1936 гг. – и.о. заведующего кафедры философии и истории ВКСХШ в г. Чебоксары.

К середине 1930-х гг. университетское образование перестало играть роль чисто образовательную и стало подвергаться идеологической обработке, особенно в свете издания «Краткой истории ВКП(б)». Указания т. Сталина об учебнике «История ВКП(б)» требовали от партийных организаций, чтобы дать научную основу для глубокого изучения истории партии. «Требования т. Сталина, выдвинутые в письме об учебнике и в письме в редакцию журнала «Пролетарская революция» идейно воодушевляют партию и помогут успешно бороться со всеми врагами социализма, врагами народа».

Трактовка ключевых вопросов дореволюционной истории и первого десятилетия Советской истории вкладывалась в образовательный процесс под мощным идеологическим натиском произведений классиков марксизма-ленинизма.

В конце 1920-х гг. центральными и областными властями был проработан вопрос с краеведами, которые должны были не только «помочь» в преподавании, но и соединить общую историю с историей региональной. Так, в докладе

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

И.Д. Кузнецова на заседании бюро ОК ВКП(б) от 24 июня 1931 г. было обозначено, что «краеведение еще и до 1928 г. не имела достаточного поворота на новые стороны ибо работники краеведы воспитаны в старом национальном духе, иногда даже до контрреволюционного выступления. До сих пор на этот фронт достаточного внимания не обращалось. … Мы провели чистку и проверку краеведов и вели вовлечение новых членов. Посылали мы представителей по районам и по учреждениям города. Организованы новые ячейки, но эти ячейки довольно себя еще не проявили. К данному времени мы вновь организовали около 40 ячеек за краеведческие декады» [1. Л. 7].

В начале 1930-х гг. изучение истории страны было подменено изучением истории партии. В Чувашии в составе кружков, изучающих историю партии было коммунистов: в 1933/34 гг. – 14%; 1934/35 гг. – 17%; 1936/37 гг. – 57,5% [2. Л. 19]. Однако качество преподавания оставляло желать лучшего. В одном из своих докладов И.Д. Кузнецов акцентирует внимание на том, что «пропагандистов мы еще не научили связывать историю партии с историей СССР. Наши пропагандисты не умеют показывать политическую и экономическую обстановку соответственного исторического периода, не умеют показывать, отражением каких классовых сил являлись те или иные антипартийные фракции и группировки» [3. Л. 13].

Интересным в докладах и отчетах Кузнецова выглядят конкретные факты и примеры низкого уровня исторического и, что немало важно, идеологического уровня агитаторов, пропагандистов и слушателей курсов. Эти данные позволяют судить о тех проблемах в процессе построения «правильного» понимания истории развития Советской власти, которое делалось центральной властью основой построения «нового общества». В частности, указывалось, что «еще редкостью является, чтобы пропагандисты ясно и правильно разъяснили ту или иную тему. На занятиях в кружке по истории партии в Норусове на вопрос слушателя «Что такое центризм?» пропагандист ответил, что «это элементы, которые болтаются в середине ни туда, ни сюда». Или слушателя кружка «Автогужтреста» на вопрос

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

«В чем особенности февральской революции и что такое двоевластие?» – ответил «С одной стороны власть советов, с другой – мелкая буржуазия». Там же сказано, что Советы после февральской революции хотели свергнуть временное правительство и захватить власть в свои руки.

В кружке по истории партии при ЦИКе при проработке вопроса о народничестве пошли разговоры о каком-то революционном народничестве и слушатели не получили ясного понимания, что народники, пренебрегая опытом всемирного развития, заявляли, что учение Маркса и Энгельса не пригодно для России, т.к. она самобытная страна с собственным хозяйственным строем и путем развития (вопрос об общине как русской особенности и ее сохранение)» [4. Л. 21].

Окончательно мысль об особенности построения университетского образования И.Д. Кузнецов сделал накануне трагического «дела Чувашского Пединститута», которое стало отправной точкой мощного витка политических репрессий в регионе. В этом выступлении он отметил, что особая роль молодежи заключается в том, что «молодежь играет такую громадную роль в жизни страны, враги народа пытались и пытаются проникнуть в среду молодежи и оказать на нее свое вражеское влияние. А мы не можем забывать о том, что молодое поколение нашей страны менее закалено, чем взрослые трудящиеся. Оно обладает меньшим политическим, жизненным опытом. Понимая все это, хитрые и подлые враги протянули свои грязные лапы в среду нашей молодежи. Опасность международной обстановки, классовая борьба в стране значительно повышают требования к комсомолу, к его руководству» [5. Л. 6–7].

Именно разница в историческом сознании поколений молодежи 1930-х гг. и 1910-х гг., по мнению И.Д. Кузнецова, должно было изменять подходы в изучении истории.

Однако, заложенные в учебниках и исторических трудах советских ученых, накладывались на субъективные факторы преподавания (квалификация преподавателей, уровень политического уровня слушателей и т. д.). Так, в 1935 г. в Чувашском государственном пединституте было рассмотрено «дело Данилова», который будучи преподавателем диамата и истматм игнорировал ленинский этап

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

философии. «Правда, по делу Данилова кое-кто из комсомольцев заняли явно позицию защиты Данилова (Кузьмин, Харитонов, Фадеев), комсомольская организация также не только осудила их, но кое-кого выбросила из рядов ВЛКСМ» [6. Л. 2].

И уже в размах репрессий в словах И.Д. Кузнецова вновь звучат слова об особенности образования молодежи 1930-х гг.: «В ряде институтов (Горьковский, Чувашский пединститут) были троцкистско-зиновьевские проявления. Но почему они стали возможны? Нам понятно, что враги всегда делали упор на молодежь и находили почву среди малозакаленных масс, которые за своей спиной не переживали трудности гражданской войны. Не случайно убийство Кирова. Они вели борьбу против наших руководителей. Эти враги ищут выгоды среди молодежи и воспользуются слабостью идейно-политического воспитания, что и было в стенах института» [6. Л. 18].

Уже перед самым своим арестом на одном из последних заседаний бюро ОК Кузнецов вновь затрагивает проблему правильного и сбалансированного преподавания, особенно революционного периода и периода Гражданской войны, увязывая его с «социальными и экономическими реалиями» региона. Иван Данилович отметил, что «классовый враг пользуется любой щелью, чем у нас явилась слабая постановка работы в учебной среде, а самая главная – политико-просветительская работа. Пропагандисты не проверяли конспекты и в результате чего в конспектах писалось, что движущей силой революции 1905 года является буржуазия» [6. Л. 14]. Его идею подержали многие преподаватели основных вузов республики. Так, впоследствии репрессированный преподаватель Чувашпединститута Кутяшов отметил, что «институт в настоящее время имеет позорное пятно, в том числе и комсомольская организация. У нас есть комсомольцы, которые относятся безразлично к тому, что происходить в институте. Продолжаются контрреволюционные проявления, у нас есть студенты с таким настроением – пройти путь студенческой жизни без борьбы, без упорного труда и получить диплом. Наш авторитет подорван и мы должны его поднять и завоевать в упорной борьбе и трудом. В нынешнем году в кружке Сидорова ни у кого не

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

было сомнения о победе социализма в отдельно взятой стране – это явно троцкистско-зиновьевская трактовка» [7. Л. 19].

Аналогичные мероприятия были предложены и в Чувашском сельскохозяйственном институте. Так, еще в апреле 1932 г. при обследовании института среди работы преподавателей были выявлены «ошибки, допущенные партийной и комсомольской организациями Института, выразившееся в том, что часть коммунистической и комсомольской массы проявила гнилой либерализм в отношении носителей чуждых и враждебных м-л-зму теорий о недостаточности классового чутья у части студенчества, о чем свидетельствует «терпимое» отношение к извращениям и пропаганде Рубиновщины в политэкономии преподавателем Лурья и идеалистическими и механистическими взглядами преподавателя Максимова, право-оппортунистических и великодержавно-шовинистических явлений со стороны преподавателя Остроумова» [8. Л. 14].

Уже в декабре 1934 г. в итоговом отчете было упомянуто, что «продолжают замечаться ряд нездоровых политически невыдержанных, классово-чуждых выступлений со стороны отдельных студентов, а также и комсомольцев. В нынешнем учебном году мы таких нездоровых явлений как среди студентов, так и среди комсомольцев имелись не мало. Один комсомолец, который систематически пьянствовал, выступал против соцсоревнований, группа комсомольцев издевалась над революционным вождем т. Сталиным. Один из комсомольцев выступал на уроке политэкономии и сказал, что у нас нет своей техники, мы только используем буржуазную технику. Группа из трех комсомольцев протаскивали антисоветскую теорию об устойчивости лично-крестьянского хозяйства, а один из них – занимался анекдотами против советской власти и против Сталина. Занимался заговорщиной и хулиганством» [9. Л. 35–36]. Но нужно отметить, что в это дело были замешаны не только студенты, но и преподаватели, которые и являлись «основной язвой во всей нашей работе, а часть из преподавательского состава занималось покровительством. Все это мы победили и победили на основе сплоченной единой борьбы против всяческих вылазок» [9. Л. 39].

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Таким образом, формирование новой системы исторического образования в системе высшего университетского образования в конце 1920-х – середине 1930-х гг. подверглась не только количественной и качественной трансформации за счет первичного сокращения количества высших учебных заведений и профессорско-преподавательского состава. Особым стало и содержание учебного процесса, который постепенно уходил в направлении подмены истории страны историей партии. Однако, региональные документы, в том числе и официальные и неофициальные выступления руководителей региональной власти и представителей среды образования, показывают, что данный процесс проходил не под единый аккомпанемент «Краткого курса истории ВКП(б)».

Список литературы

1. Государственный архив современной истории Чувашской Республики. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1079.

2. Государственный архив современной истории Чувашской Республики. Ф. 6 Оп. 1. Д. 255.

3. Государственный архив современной истории Чувашской Республики. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1017.

4. Государственный архив современной истории Чувашской Республики. Ф. 6. Оп. 1. Д. 255.

5. Государственный архив современной истории Чувашской Республики. Ф. 6. Оп. 2. Д. 481.

6. Государственный архив современной истории Чувашской Республики. Ф. 1110. Оп. 1. Д. 11.

7. Государственный архив современной истории Чувашской Республики. Ф. 1110. Оп. 1. Д. 11.

8. Государственный архив современной истории Чувашской Республики. Ф. 1114. Оп. 1. Д. 1.

9. Государственный архив современной истории Чувашской Республики. Ф. 1114. Оп. 1. Д. 3.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)